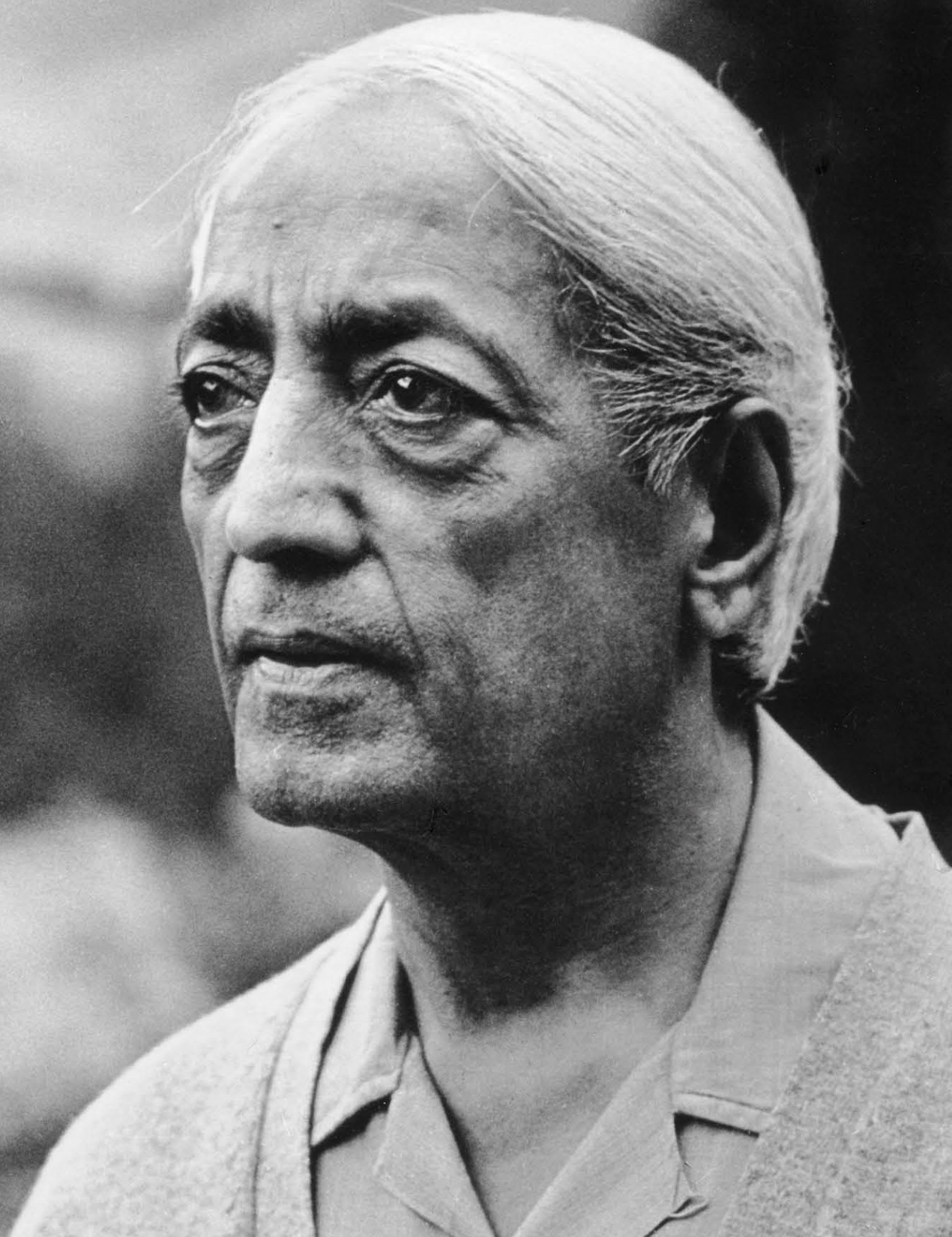

Дж. Кришнамурти
Самому себе

Последний дневник

Джидду Кришнамурти

Самому себе. Последний дневник

«ИД Ганга»

1987

УДК 111
ББК 86.7

Кришнамурти Д.

Самому себе. Последний дневник / Д. Кришнамурти — «ИД
Ганга», 1987

ISBN 978-5-9909023-3-6

Джидду Кришнамурти – один из наиболее выдающихся духовных учителей XX века, человек, отказавшийся от роли мессии из любви к истине, которую назвал «страной без дорог». Последний дневник – единственная из всех публикаций Кришнамурти, записанная им в полном одиночестве на кассетный магнитофон, за два года до того, как он оставил этот мир. Чтение этой книги очень сближает с автором, порой создается ощущение погружения в его сознание. Здесь вся суть его учения, а описания природы, с которых он начинает большинство своих записей, погружая в состояние внутренней тишины, предоставляют возможность интуитивно воспринять последующие слова.

УДК 111

ББК 86.7

ISBN 978-5-9909023-3-6

© Кришнамурти Д., 1987

© ИД Ганга, 1987

Содержание

Предисловие	6
Охай. Калифорния	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Джидду Кришнамурти Самому себе. Последний дневник

Krishnamurti

to Himself

His Last Journal

Krishnamurti Foundation Trust

Перевод с английского Виолетты Ремизовой

© 1987 by Krishnamurti Foundation Trust, Ltd.

© Издательский Дом «Ганга». Перевод, оформление, 2016

Krishnamurti Foundation Trust Ltd.

Brockwood Park, Bramdean, Hampshire

SO24 0LQ, England

E-mail: info@kfoundation.org

Website: www.kfoundation.org

Больше информации на сайте:

www.jkrishnamurti.org

Предисловие

Уникальность этой книги в том, что это единственная из всех публикаций Дж. Кришнамурти, записанная им в полном одиночестве на кассетный магнитофон. «Дневник» Дж. Кришнамурти, опубликованный в 1982 году, имел успех, и читатели просили продолжения. Однако руки у него уже дрожали (ему было восемьдесят семь лет), и кто-то подал идею не писать дневник, что сильно утомляло бы его, а надиктовывать его. Эта мысль ему понравилась, но начать сразу он не мог, поскольку пришло время лететь в Индию, где невозможно было побыть в одиночестве. Вернувшись в Калифорнию в феврале 1983 года, он надиктовал на новенький магнитофон Sony первую из записей, приведенных в этой книге. Все записи, кроме одной, были надиктованы Кришнамурти в его доме под названием Пайн-Коттедж, расположенном в долине Охай, Калифорния, в восьмидесяти милях к северу от Лос-Анджелеса. Он диктовал по утрам, лежа в постели после завтрака, в те часы, когда никто не мог его потревожить.

Вначале Кришнамурти жил в Пайн-Коттедж со своим братом – они снимали дом своего друга с 1922 г. Именно в этом доме в августе 1922 года он получил духовный опыт, изменивший всю его жизнь. Вскоре после этого для переоформления на Кришнамурти дома и прилегающих к нему шести акров земли был основан Фонд Кришнамурти. В 1978 году к старому дому был пристроен красивый новый. В старом доме сохранились его первая спальня и маленькая гостиная.

Устные записи Кришнамурти, в отличие от рукописей, порой были незаконченными, а голос иногда был едва слышим из-за удаленности микрофона. Для того чтобы текст был понятен читателю, потребовалась небольшая редакция – в этом отличие этой книги от «Записных книжек» и «Дневника». Некоторые из записей представляют собой диалог с воображаемым собеседником.

Чтение этой книги очень сближает с Кришнамурти, порой создается ощущение погружения в его сознание. Здесь вся суть его учения, а описания природы, с которых он начинает большинство своих записей, погружая в состояние внутренней тишины тех, кто видит в нем не только философа, но и поэта, предоставляют возможность интуитивно воспринять последующие слова. В тексте встречаются повторения, но они, по всей видимости, указывают на тот факт, что каждый день для Кришнамурти был совершенно новым, свободным от бремени прошлого.

Удивительно, что последняя запись – возможно, самая прекрасная – о смерти. Это последние слова Кришнамурти, записанные им в одиночестве. Два года спустя он оставил этот мир в той самой спальне в Пайн-Коттедже.

М. Л.

Охай. Калифорния

Пятница, 25 февраля 1983 г.

У реки растет дерево, и вот уже несколько недель мы наблюдаем за ним, день за днем, начиная с предрассветного часа. Солнце медленно поднимается над линией горизонта, над деревьями, и наступает миг, когда это дерево внезапно становится золотым. Каждый его лист светится жизненной силой. Проходит час, потом другой, нечто необыкновенное разливается по всей местности, над рекой; неважно, как называется это дерево – важна лишь его красота. Солнце поднимается еще выше, и листья дерева начинают трепетать, танцевать. С каждым часом дерево преображается. В предрассветный час оно кажется темным, безмолвным, отрешенным и полным достоинства. Но когда начинается день, листья, освещенные солнцем, танцуют, и от этого дерева исходит особое ощущение, присущее чему-то невероятно прекрасному. К середине дня его тень становится длиннее; дерево уже способно защитить от солнца: можно сидеть в его тени, общаясь с ним, как с другом, и не чувствуя одиночества. Сидя в его тени, ощущаешь связь с этим деревом, глубокий покой, защищенность и свободу, которая знакома только деревьям.

К вечеру, когда заходящее солнце зажигает западную часть небосвода, дерево темнеет и теряет свои краски, словно погружаясь в себя. И вот уже небо стало красным, потом желтым, потом зеленым, но дерево остается неподвижным, незаметным и покоится в ночи.

Установив связь с этим деревом, ты обретаешь связь со всем человечеством. Ты теперь в ответе за это дерево и за все деревья в мире. Но если у тебя нет связи с живыми существами этой земли, ты можешь утратить связь с человечеством, с другими людьми. Мы никогда не присматриваемся к особенностям дерева; мы никогда не касаемся его по-настоящему, не чувствуем его твердость, его шершавую кору, не слышим звука, присущего этому дереву. Нет, это не тот звук, который издает ветер, проносясь сквозь его листву, и не шепот утреннего бриза в его кроне, а его собственный звук – звук ствола и безмолвный звук корней. Чтобы слышать его, нужно обладать необычайной чувствительностью. Это не людской гам, не болтовня нашего ума, не грубые голоса бранящихся и воющих людей, а звук, являющийся частью мироздания.

Странно, что мы так мало связаны с природой: с насекомыми, с прыгающей лягушкой, с филином, ухающим в горах и призывающим свою подругу. Похоже, мы не чувствуем других живых существ, обитающих на этой земле. Если бы мы могли установить глубокую связь с природой, то никогда не убили бы живое существо, чтобы удовлетворить свой аппетит; никогда не стали бы причинять вред ради своего блага, не подвергли бы вивисекции ни обезьянку, ни собаку, ни морскую свинку. Мы нашли бы другой способ заживить свои раны, исцелить свои тела. Но исцелить свой ум – это совершенно иная задача. Это исцеление происходит постепенно, когда мы вместе с природой – с этим плодом, висющим на апельсиновом дереве, с этой травинкой, пробивающейся сквозь бетон, с этими горами, окутанными пеленой облаков.

Это не сентиментальность и не романтические картины в нашем воображении, это реальность взаимоотношений со всеми живыми существами на этой земле. Человек убил миллионы китов и продолжает их убивать. Все, что мы получаем в результате их жестокого убийства, можно получить другими способами. Но людям, видимо, нравится убивать живых существ: убегающего оленя, грациозную газель, огромного слона. Нам нравится убивать друг друга. Убийства людей людьми не прекращались никогда на всем протяжении существования человечества на этой земле. Если мы сможем – а мы должны! – установить глубокие и прочные отношения с природой, с живыми деревьями и кустами, с цветами, травой и бегущими по небу облаками, мы никогда не убьем другого человека по какой бы то ни было причине. Организованное убийство – это война, и, несмотря на то что мы протестуем против какой-то определенной войны – ядерной или любой другой, – мы никогда не протестовали против войны вообще. Мы никогда не говорили, что убить другого человека – самый страшный грех на земле.

Понедельник, 28 февраля 1983 г.

Совершая межконтинентальный перелет на высоте двенадцати с половиной тысяч метров, не видишь ничего, кроме снега – километры и километры снега; он укрывает все горы и холмы, и спящие подо льдом реки, которые как змеи обвивают всю землю. Далеко внизу – фермы, расположенные на огромном расстоянии друг от друга и тоже покрытые снегом. Долгий, утомительный перелет длится одиннадцать часов. Пассажиры разговаривают без умолку. Сзади сидят муж и жена, которые болтают, не прерываясь ни на минуту, ни разу не взглянув на великолепие этих прекрасных холмов и гор, не глядя на других пассажиров. Очевидно, они поглощены своими мыслями, своими проблемами, своей болтовней. И наконец, после утомительного и малоподвижного зимнего перелета, мы приземляемся в городе на Тихом океане.

Шум и суматоха позади, ты наконец покидаешь этот уродливо разросшийся, вульгарный и кричащий город с его бесконечными рядами магазинов, в которых продается почти одно и то же. Все это остается за спиной, а ты летишь по шоссе вдоль океанского побережья, мчишься по великолепной дороге, вьющейся среди холмов и время от времени выходящей к морю. Но вот Тихий океан остается позади, и ты въезжаешь в холмистую местность. Дорога снова вьется меж невысоких холмов – спокойных и безмолвных, исполненных загадочного достоинства. Наконец начинается долина. Вот уже шестьдесят лет ты живешь здесь, но всякий раз, когда въезжаешь в эту долину, напоминающую огромную чашу или гнездо, тебя охватывает изумление. Долина безмятежна, почти не тронута человеком. Ты проезжаешь маленькую деревушку и поднимаешься почти на пятьсот метров, минуя ряд за рядом апельсиновые сады и рощи. В воздухе разлит запах апельсиновых цветов. Он наполняет всю долину. Он наполняет твою душу, твоё сердце, все твоё тело. Как это необыкновенно – жить в благоухании цветов, которое будет сохраняться в воздухе три недели, а может и того больше! В горах – покой и величие. Каждый раз, смотря на эти холмы и величественную гору, высота которой около двух тысяч метров, ты удивляешься, что на земле существует такое место. Каждый раз, въезжая в эту тихую, безмятежную долину, ощущаешь странную отрешенность, глубокое безмолвие, словно время разлилось в необозримом пространстве и замедлилось.

Человек пытается испортить эту долину, но она все еще нетронута. А горы тем утром были необыкновенно прекрасны. Ты почти мог коснуться их. В них было величие и безмерное чувство незыблемости. И вот ты тихоходишь в дом, где прожил больше шестидесяти лет, и атмосфера здесь, воздух – если позволено будет использовать это слово – священны. Ты можешь чувствовать это, можешь почти коснуться этого. Недавно прошли сильные дожди – в горах сезон дождей, – поэтому все холмы и впадинки гор полны яркой, буйной зелени. Это счастливо улыбается сама Земля, с глубоким спокойным осознанием собственного бытия.

«Вы много раз говорили, что ум – или, если угодно, мозг – сам по себе должен быть безмолвным, он должен избавиться от всех накопленных знаний – не только для того, чтобы освободиться, но также для того, чтобы воспринять нечто, что не имеет отношения к времени, мысли или какому бы то ни было действию. Вы говорили это разными словами почти во всех своих беседах, и мне кажется невероятно сложным уловить не только эту идею и ее глубину, но также, если можно так выразиться, ощущение умиротворенной пустоты. Я никогда не мог понять, как к этому прийти. Я перепробовал различные методы, чтобы прекратить болтовню ума, бесконечную его занятость то одним, то другим – ту самую занятость, которая создает проблемы. И покуда человек жив, он не может избежать всего этого. Это наша повседневная жизнь, рутина, семейные разговоры, и даже когда никто не разговаривает, есть телевизор и книги. Ум словно требует какого-нибудь занятия, чтобы бесконечно переноситься мыслью от одного предмета к другому, от одного знания к другому, от одного действия к другому».

«Как мы уже говорили, мысль невозможно остановить решимостью, волевым актом, или настойчивым, упорным желанием погрузиться в эту безмолвную, безмятежную пустоту».

«Я очень хочу завладеть тем, что мне представляется истинным, что ощущается истинным; я всегда хотел обладать этим, но оно вечно ускользает от меня, я не могу ухватить это. Я снова пришел, чтобы поговорить с вами, как приходил уже не раз. Почему в моей повседневной жизни, когда я занят делами, это безмолвие так неустойчиво, почему оно не может длиться долго? Почему его нет в моей жизни? Я спрашивал себя, что мне делать. Да, я понимаю, что не так много могу сделать, а может и вовсе ничего. Но меня мучает этот вопрос, и мучениям нет конца. Если бы я хоть раз ощутил это безмолвие, одно лишь воспоминание о нем подпитывало бы меня, оно одно придало бы смысл моей бестолковой жизни. И вот я пришел к вам, чтобы спросить, чтобы прояснить этот вопрос: почему ум – или лучше было бы сказать мозг – все время стремится чем-то себя занять?»

Четверг, 10 марта 1983 г.

На днях, прогуливаясь по скрытой от посторонних взоров лесной тропинке, вдали от шума, грубости и вульгарности цивилизации, от всего созданного людьми, ты ощущал великий покой, окутывающий все, – безмятежный, отстраненный, наполненный звуками земли. Ты шел тихо, не тревожа ничто земное вокруг – ни кусты, ни деревья, ни кузнечиков, ни птиц, – и вдруг за поворотом дороги оказались два маленьких создания, которые что-то не поделили между собой и смешно дрались. Один из них пытался прогнать другого, а тот проталкивался, пытаясь влезть в чужую маленькую норку. Хозяин норки прогонял непрошеного гостя. Но наконец хозяин норки победил, и второй убежал. Снова стало тихо, вернулось чувство глубокой уединенности. Ты посмотрел вверх: тропа уходила высоко в горы, водопад тихо журчал вблизи дороги; там была красота и неизмеримое величие, но не то величие, которого добиваются люди и которое представляется пустым и напыщенным. Маленькое создание отождествляло себя со своим домом так же, как мы, люди. Мы всегда стремимся отождествиться со своей расой, со своей культурой, с тем, во что верим, с какой-нибудь мистической фигурой, спасителем или

с кем-то, облеченным высшей властью. Судя по всему, стремление отождествиться с чем-то – неотъемлемое свойство человека. Возможно, мы унаследовали его от того маленького зверька.

Интересно, откуда берется это страстное желание человека отождествиться с чем-то? Можно понять отождествление с материальными потребностями: с необходимыми вещами, одеждой, едой, крышей над головой и так далее. Но все же глубоко внутри, где-то под кожей, мы стремимся отождествиться с прошлым, с традицией, с неким воображаемым романтическим образом, с важным для нас символом. И, конечно же, это отождествление дает нам чувство защищенности, безопасности, ощущение, что нами кто-то владеет и мы владеем чем-то. Это дает нам огромное чувство комфорта. Человек черпает комфорт и безопасность в иллюзиях. И, судя по всему, людям нужно множество иллюзий.

Где-то далеко ухает сова. Ей вторит гортанный голос с противоположной стороны долины. Солнце еще не встало; шумный день все еще впереди, а сейчас царит тишина. В восходе солнца есть что-то необыкновенное, священное. Это молитва, это гимн восходящему солнцу, этому необыкновенному спокойному свету. Ранним утром свет был приглушенным, не было ни ветерка; и все растения – и деревья, и кусты – были тихие, спокойные. Они словно замерли в ожидании – в ожидании восхода. До появления солнца, наверное, было еще около получаса, и рассвет медленно окутывал землю своим необыкновенным покоем.

Медленно, постепенно самая высокая гора осветилась, ее коснулись солнечные лучи, яркие и золотые; снег на вершине был чист, не тронут светом дня.

Ты поднимался вверх, оставляя далеко внизу маленькую деревушку, гомон земли – кузнечики, куропатки и другие птицы запели свою утреннюю песню, гимн дню, начали его пышное почитание. Когда солнце наконец взошло, ты был частью его сияния; ты оставил позади все, что породила мысль. Ты полностью забыл себя. Душа освободилась от всех своих борений и страданий. И пока ты поднимался, не было никакого чувства отделенности – даже чувства, что ты человек.

Утренний туман медленно собирался в долине, и ты был этим туманом, – становясь все плотнее, все больше и больше сгущаясь в наваждение, в небылицу, в глупость человеческой жизни. Ты долго был наверху, а потом начал спускаться обратно. Там был шепот ветра, насекомые, голоса множества птиц. Пока ты спускался, туман таял. И вот уже улицы с магазинами, и великолепие рассвета быстро улетучилось. Ты вернулся к своей каждодневной рутине – к привычным оковам своей работы, к спорам с людьми, к разделению и отождествлению, к враждующим идеологиям и подготовке к войне, к своей собственной внутренней боли и нескончаемой человеческой печали.

Пятница, 11 марта 1983 г.

Стояло прохладное, свежее утро, и свет был таким, какой бывает только в Калифорнии, а именно в южной ее части. Это поистине совершенно необыкновенное освещение.

Мы объехали весь мир – по крайней мере большую его часть, – и видели самое разнообразное освещение и облака в разных частях Земли. В Голландии они очень близко; здесь же, в Калифорнии, облака на синем небе могут словно бы светиться вечно тем особым светом, который присущ именно этим огромным особенным облакам удивительной формы.

Утро было прохладным и очень приятным. Ты взбирался вверх по каменистой горной тропе все выше и выше, смотрел сверху на долину и видел ряды апельсиновых деревьев и авокадо, холмы, которые опоясывали долину, и казалось, что ты больше не принадлежишь этому миру: все осталось позади – и усталость, и уродливые человеческие взаимодействия. Все осталось далеко внизу, а ты поднимался все выше и выше по каменистой тропе. Далеко внизу осталась людская суета, гордыня, вульгарность униформ с медалями во всю грудь, нелепая вычурность странных одеяний священнослужителей. Ты оставил все это позади.

Поднимаясь по тропе, ты чуть не наступил на маму-перепелку с выводком из двенадцати или более птенцов. Они с щебетанием разбежались по кустам. Когда ты ушел вверх от них и оглянулся, мама уже собрала их вокруг себя, и теперь, под крылом матери, они были в безопасности.

Ты карабкался несколько часов кряду, прежде чем оказаться на огромной высоте. Иногда ты видел неподалеку медведя, но он не обращал на тебя внимания. Оленей на другой стороне ущелья твое присутствие тоже не беспокоило. Наконец ты вышел на каменистое плато. К юго-западу за горами виднелось море, такое синее, такое спокойное – и такое бесконечно далекое. Ты сел на гладкий камень, который век за веком выжигало безжалостное солнце, прорезая на камне трещинки. В маленьких трещинах сновали взад и вперед какие-то крошечные существа. Царила совершенная тишина, полная и бесконечная. В небе кружила очень большая птица – здесь ее называют кондором. Природа была неподвижна, не считая этой птицы в небе и крошечных букашек в трещинах камня. Стояло безмолвие, свойственное лишь тем местам, где не ступала нога человека, – полное умиротворение.

Все осталось далеко внизу, в той маленькой деревушке, буквально все: твое «я» (если оно вообще было), твои пожитки, ощущение, что тебе принадлежит твой опыт, твои воспоминания о вещах, которые что-то для тебя значили, – все осталось позади, внизу, среди сверкающих рощ и фруктовых садов. Здесь же было абсолютное безмолвие, и ты был совершенно один.

Стояло изумительное утро; тебя овеял прохладный воздух, который становился все холоднее, и ты был полностью потерян для всего. Это было ничто и то, что его превосходит.

Слово «медитация» следует забыть. Смысл этого слова искажен. Общепринятый его смысл – «размышлять, думать о чем-либо» – банален и тривиален. Если вы хотите понять, что такое медитация, вам нужно забыть это слово, потому что невозможно измерить словами неизмеримое, находящееся за рамками всех измерений. Никакие слова, никакие системы, никакие способы мышления, никакие практики или дисциплины не могут передать его смысл. Медитация – или следует подобрать другое слово, которое не так изуродовано, искажено, превращено в банальность и в средство для зарабатывания денег, – если отбросить это слово, ты начинаешь тихо и мягко ощущать движение, которое не принадлежит времени. Но слово «движение» опять же подразумевает время – имеется в виду движение, не имеющее ни начала, ни конца. Движение, подобное волне: волна за волной, не зарождающиеся нигде, не разбивающиеся ни о какой берег. Это бесконечная волна.

Время, как бы медленно оно ни шло, весьма утомительно. Время означает рост, эволюцию; время – это становление, достижение, обучение, изменение. И при этом время не является средством достижения того, что лежит далеко за пределами слова «медитация». Время не имеет к этому никакого отношения. Время – это действие воли, желания, а желание никогда не сможет [одно или несколько слов, которые невозможно расшифровать на аудиозаписи] – оно выходит далеко за рамки слова «медитация».

Здесь, на этой скале, ты сидишь с синим небом – оно изумительно синее, – и воздух так чист. Далеко за этой горной грядой раскинулась пустыня. Она хорошо просматривается отсюда – на много миль вперед. Это по-настоящему безвременное восприятие того, что есть. Только при таком восприятии можно сказать: это есть.

Ты сидел там и смотрел; казалось, что ты сидишь много дней, много лет, много веков. Когда солнце пошло вниз к морю, ты начал свой спуск обратно в долину. Все вокруг тебя полыхало – и лезвия трав, и сумах [дикорастущий кустарник], и возвышающиеся эвкалипты и цветущая земля. Для спуска, как и для подъема, нужно время. Однако то, у чего нет времени, не может быть измерено посредством слов. Медитация – лишь слово. Истоки рая – в глубоком непоколебимом безмолвии.

11 марта 1983 г. (продолжение)

Стояло восхитительное ясное утро. На каждом листе блестело по росинке. Солнце поднималось медленно, тихо распространяя свое сияние по всей прекрасной земле. В долине царил покой. На апельсиновых деревьях висели плоды – маленькие, но их было много. Постепенно солнце осветило каждое дерево, каждый апельсин на ветке. Ты сидел на этой веранде, обозревая долину; тени были по-утреннему длинными. Тень дерева так же прекрасна, как и само дерево. Мы хотели выбраться на прогулку – не поехать на машине, а пойти пешком среди деревьев, вдыхая свежий воздух, наполненный ароматами апельсинов и цветов, и слушая звуки земли.

Потом ты вскарабкался на самую вершину горы и оглядывал всю раскинувшуюся внизу долину. Земля не принадлежит никому. Это территория, на которой нам всем суждено жить много лет, возделывая почву, пожиная плоды и разрушая ее.

Ты всегда гость на этой земле и следует быть воздержанным, как и подобает гостю. Воздержанность – это нечто гораздо более глубокое, чем владение лишь немногими вещами. Само это слово было испорчено монахами, санньясинами, отшельниками. Когда сидишь один на высоком холме в одиночестве, среди множества вещей, множества камней и мелких животных, и муравьев, это слово теряет всякий смысл.

Далеко-далеко за горами было широкое, сияющее, сверкающее море. Мы поделили землю на «твою» и «мою»: твоя нация, моя нация, твой флаг, их флаг, наша религия и чужая религия... Весь мир, вся земля разрезаны, поделены. Из-за этих кусков земли мы пререкаемся и воюем, и политики, торжествуя, пользуются своей властью, чтобы поддерживать это разделение, никогда не воспринимая мир как единое целое. У них отсутствует глобальное мышление. Они не способны даже на миг ощутить головокружительную возможность того, что можно жить без национальности, без разделения; они никогда не смогут почувствовать, как уродлива их власть, их положение, их ощущение собственной важности. Они – такие же люди, как ты или как любой другой человек; они просто оказались у власти со своими мелочными, эгоистичными желаниями и амбициями. Так было всегда, пока существует человечество – это дикарское отношение к жизни. Они не обладают сознанием, свободным от принципов, идеологий, идеологии, – сознанием, которое вышло бы за пределы расовых, культурных и религиозных разграничений, выдуманных человеком.

Государства должны существовать, пока человек не станет светом самому себе, пока не станет жить упорядоченно, внимательно, усердно трудясь, наблюдая, изучая. Но он предпочитает, чтобы ему говорили, что нужно делать. Ему говорили это предки, священники, гуру, – и он подчиняется их указаниям, разрушительной дисциплине, навязываемой каждым из них, словно все они – боги этой земли и знают все об этой невероятно сложной жизни.

Когда сидишь здесь, высоко над вершинами деревьев, на камне, у которого, как и у любого живого существа на этой земле, есть свой собственный звук, когда смотришь в синее небо – ясное, безоблачное небо, – задумываешься о том, когда же, наконец, человечество научится жить на этой земле без распрей, без склок, войн и конфликтов. Человек создал конфликт, разделив землю по поверхностным признакам – по признаку языка, принадлежности к той или иной культуре. Ты думаешь о том, когда же, наконец, человек, эволюционировавший в течение стольких веков, проходивший через страдания и горе, через заботы и радости, страх и конфликты, примет иной образ жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.